

Г. А. Василевич

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Конституционный Суд Республики Беларусь, как впрочем и специализированные органы конституционного контроля других стран, это особый судебный орган, осуществляющий функции правосудия (конституционного правосудия) и одновременно выступающий в роли одного из высших органов государственной власти, обладающий полномочиями по проверке конституционности нормативных актов всех государственных органов.

Конституционный Суд Республики Беларусь включен в главу «Суд» Конституции Республики Беларусь, тем самым подчеркивается принадлежность Конституционного Суда к судебной власти – самостоятельной ветви государственной власти. Хотя можно спорить по данному поводу и утверждать, что предпочтительнее было бы относить его к особой совокупности государственных структур – контрольно-надзорным органам.

Каков же статус Конституционного Суда и есть ли правовые основания для его развития?

Прежде всего я хотел бы обратить внимание на формулировку части первой ст. 116 Конституции: контроль за конституционностью нормативных актов в государстве осуществляется Конституционным Судом Республики Беларусь. В этой связи можно сделать несколько выводов:

1) эта норма предполагает активное воздействие Конституционного Суда на правотворческий процесс и прежде всего его результат – принятые нормативные акты;

2) реагирование на обнаруженные недостатки, противоречия между Конституцией и всеми иными подконституционными нормативными актами возможно в допустимых для Конституционного Суда формах, не только путем принятия заключений, но и иных его решений;

3) часть первая и часть седьмая ст. 116 Конституции являются базой для развития компетенции Конституционного Суда, которая определяется не только Конституцией, но и законом;

4) в силу того, что Конституционный Суд – это один из государственных органов, осуществляющих специфическую контрольную функцию, направленную на обеспечение верховенства Конституции и иерархической соподчиненности всех остальных нормативных актов,

правовая позиция Конституционного Суда должна быть решающей при рассмотрении подобного рода споров, в т. ч. и в случае осуществления правовой экспертизы Министерством юстиции, Министерством иностранных дел о соответствии Конституции подлежащих соответственно регистрации ведомственных нормативных актов, ратификации международных договоров.

В юридической литературе уделено внимание анализу понятия «контроль», часто его сопоставляют с надзором. Эти понятия различаются, что проявляется и в тех мерах, которые могут применить государственные органы, осуществляющие соответствующие функции. Надзорные органы сами обычно не обладают правом отмены правового акта, но путем соответствующего реагирования пытаются обеспечить законность на практике. Контролирующие же органы, наоборот, отличаются не только правом отмены правовых актов, но и активным вмешательством в незаконную деятельность. Контрольная функция Конституционного Суда имеет свою специфику. Конституционный контроль охватывает сферу нормотворчества сверху донизу. При этом проблемы целесообразности не должны иметь решающее значение. Более того, принятие не самого удачного правового решения, реализованного в нормативном акте, не означает его неконституционность. В этом отличие конституционного контроля от контроля, проводимого иными государственными органами, включая и ведомственный контроль.

Специфическая роль Конституционного Суда Республики Беларусь проявляется и в том, что он дает по предложению Президента заключения о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами парламента Конституции. Только при наличии соответствующего заключения полномочия палат могут быть досрочно прекращены (см. ст. 94 и 116 Конституции). (В данной статье мы не будем затрагивать вопрос о целесообразности существования такой нормы, о том, насколько это соответствует мировой практике.) Исходя из закрепленной в Конституции нормы, мы полагаем, что такой коллегиально работающий орган как парламент (его палаты) может быть распущен (т. е. его полномочия досрочно прекращены) лишь при «систематическом» принятии правовых актов, которыми нарушается Конституция, либо ими (правовыми актами) она грубо нарушается. Пока не представляется возможным утверждать о том, что данное правовое положение касается таких действий парламента в целом (не отдельных парламентариев), которые не выражены в форме конкретных актов (законах или постановлениях). Хотя сторонники усиления

полномочий парламента могут найти аргументы в пользу именно такого вывода. Мы, по крайней мере, исходим из того, что ставить вопрос о «систематическом или грубом» нарушении парламентом Конституции Президент вправе лишь в отношении тех законов, по которым он высказывал возражения (налагал вето), аргументируя это несоответствием принятого акта Конституции, и вопреки этому эти возражения были преодолены парламентом, при этом закон не был подписан Президентом. Что же касается подписанных Президентом законов, то вряд ли будет справедливо использовать широкий подход.

Что же касается прекращения полномочий (ропуска) местных Советов и участия в этом Конституционного Суда, то хотелось бы обратить внимание на следующие факты.

В Российской Федерации Президентом В. Путиным 4 августа 2000 г. подписан закон, которым внесены изменения и дополнения в федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Законом достаточно детально предусмотрен порядок воздействия на субъекты местного самоуправления (вплоть до роспуска) с целью приведения в связи с соответствующим решением суда относительно принятых нормативных актов в соответствии с Конституцией и иными актами, обладающими более высокой юридической силой.

При этом хотелось бы обратить внимание на следующее обстоятельство: в Республике Беларусь такое основание для роспуска Совета (досрочного прекращения его полномочий) как систематическое неисполнение актов Верховного Совета впервые появилось еще в феврале 1991 г. в законе об основных принципах народовластия, затем оно получило закрепление в законе о местном управлении и местном хозяйстве, позднее – в принятой 15 марта 1994 г. новой Конституции. В то же время, к сожалению, в этих актах сразу не был определен орган, который дает заключение о систематическом или грубом нарушении местным Советом законодательства. Исходя из того, что Конституционный Суд вправе принимать аналогичное решение в отношении палат парламента, и в связи с его правом проверять конституционность всех нормативных актов, в том числе и местных Советов, можно утверждать о том, что такого рода заключения должен предварительно давать Конституционный Суд. Что же касается субъекта обращения, то здесь может быть не только Совет Республики (верхняя палата парламента, правомочная принимать решения о роспуске), но и иные органы и лица, обладающие правом на обращение в Конституционный Суд.

Отличительной особенностью конституционного контроля, осуществляемого Конституционным Судом, является отсутствие у него системы подчиненных ему органов. Осуществление им своих полномочий опирается на авторитет принятого решения (этому может способствовать его правовая аргументированность, а не политическое обоснование). Исполнение решений зависит от поддержки других властных структур – Президента, парламента, правительства, судов, органов прокуратуры, а также общественной поддержки.

Конституционный Суд – единственный орган судебной власти, чьи основные положения, порядок формирования и некоторые другие вопросы прямо оговорены в Конституции. Относительно организации и деятельности иных судов (общих, хозяйственных) в Конституции сформулированы лишь принципы и указана их основная функция – осуществление правосудия. При этом компетенция Конституционного Суда, как отмечено в части седьмой ст. 116 Конституции, определяется специальным законом о Конституционном Суде. В этой связи следует сделать несколько выводов: 1) конституционные положения могут быть развиты в законе (без посягательства на юрисдикцию других органов); 2) недопустимы «размывание» закона о Конституционном Суде, попытки закрепить нормы о статусе судей Конституционного Суда в других законодательных актах без их непосредственного закрепления в законе о Конституционном Суде. Именно в законе о Конституционном Суде, как того требует Конституция, могут развиваться и конкретизироваться ее принципы и нормы, касающиеся деятельности Конституционного Суда; 3) законом о Конституционном Суде предусмотрено, что порядок конституционного судопроизводства, правила процедуры и этикета регулируются принимаемым Конституционным Судом регламентом, который должен быть основан на положениях названного закона. Конституционный Суд – единственный судебный орган, который самостоятельно определяет порядок конституционного судопроизводства. Конечно, процессуальные аспекты деятельности нельзя смешивать с чисто статутными.

Конституционный Суд вправе проверять на соответствие Конституции не только акты общегосударственного уровня, в том числе законы о ратификации международных договоров, регламенты палат парламента, кстати вопреки требованиям законодательства, так и официально не опубликованные, нормативные акты министерств, государственных комитетов, местных Советов депутатов, местных исполнительных и распорядительных органов.

В связи с тем, что проводится проверка акта на его соответствие не только Конституции, но и актам, обладающим более высокой юридической силой, чем проверяемый акт, возможна проверка конституционности всех норм «по вертикали», т. е., например, проверка соответствия нормативного решения райисполкома решению облисполкома, которое должно в свою очередь соответствовать указу, закону, а последние – Конституции. Проверая конституционность оспариваемого нормативного акта, Конституционный Суд может в своем решении (заключении) указать на неконституционность и другого, обладающего более высокой юридической силой, чем нормативный акт, о проверке которого поступило предложение.

В практике работы Конституционного Суда были случаи, когда вносилось предложение о проверке отдельных статей закона (кодекса), но аналогичные нормы содержались в других статьях. В этом случае Конституционный Суд, на наш взгляд, также вправе проверить их конституционность и вынести соответствующее решение.

И еще один вывод, связанный с полномочиями Конституционного Суда. У нас отдельными лицами вносятся предложения о создании самостоятельной системы административной юстиции. Обычно ссылаются на соответствующие идеи и разработки, существующие в Российской Федерации. Однако эти авторы просто упускают из виду белорусское законодательство: нам не надо, на наш взгляд, создавать самостоятельную систему административной юстиции, просто необходимо «задействовать» Конституционный Суд для разрешения возникших по поводу действия нормативных актов министерств и иных, в том числе, местных исполнительных и распорядительных органов. Исполнение же административного законодательства, точнее, споры об этом – предмет разбирательства судьями по административным делам.

Местные Советы депутатов обладают «двойной» природой. Это, с одной стороны, государственные органы, а с другой – это органы местного самоуправления. Несмотря на это их решения, как это уже было отмечено нами, могут быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде. Лишь решения местных референдумов выпадают из сферы контроля Конституционного Суда, в то же время это не распространяется на законы, принятые путем всенародного голосования, т. е. в масштабе всей республики. При этом отмечу, что, на наш взгляд, граждане с учетом положений ч. 4 ст. 122 и ч. 1 ст. 116 Конституции имеют право на непосредственное обращение в Конституционный Суд о проверке конституционности нормативных актов местных органов.

К сожалению, парламент и другие субъекты редко используют свое право для дачи толкования (разъяснения) конституционных норм. Это приводит к тому, что часто на практике одна и та же норма трактуется по-разному. Способствовать единому применению конституционных предписаний могла бы более широкая практика официального разъяснения Конституции.

В связи со статусом Конституционного Суда, на который возложена обязанность осуществлять контроль за конституционностью нормативных актов в государстве, должна возрастать его активность по казуальному толкованию Конституции. Правовая позиция Конституционного Суда имеет принципиальное значение для развития правовой системы, в том числе правоприменительной практики.

Может ли Конституционный Суд мириться с бездействием законодателя, например, непринятием в установленный или разумный срок законов, указанных в Конституции, иначе говоря, своими решениями по существу восполнять пробел в законодательстве, который является неконституционным. Собственный опыт, а также опыт работы органов конституционного контроля других стран, в частности Российской Федерации, убеждает в утвердительном ответе. И именно так мы определяем концепцию своих действий (решений). Это не только дела, связанные с неконституционностью пробелов в административном, уголовно-процессуальном законодательстве. Недавно мы рассмотрели дело о праве граждан на замену воинской службы альтернативной. При этом в связи с многочисленными обращениями граждан, общественных объединений мы руководствовались, как и при вынесении ряда других решений, нормами, закрепленными в ст. 40 Конституции и ч. 1 ст. 116 Конституции.

В своем решении мы отметили, что защита Республики Беларусь согласно ст. 57 Конституции является обязанностью и священным долгом ее гражданина. Порядок прохождения воинской службы, основания и условия освобождения от воинской службы либо замена ее альтернативной определяются законом.

В законе «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» прямо определено, что всеобщая воинская обязанность предусматривает как призыв на воинскую, так и призыв на альтернативную службу, прохождение воинской либо альтернативной службы (ч. 5 ст. 1, ч. 3 ст. 14). Законодательный пробел в этой области дает основания для возникновения конфликтов между отдельными гражданами и государством, поскольку не обеспечиваются в полной мере права граждан в Республике Беларусь, гарантированные Конституцией, не опре-

деляются границы их осуществления. Право граждан на альтернативную службу вытекает непосредственно как из ст. 57 Конституции, так и закона «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» (ч. 5 ст. 1 и ч. 3 ст. 14).

В соответствии со ст. 4 закона от 15 марта 1994 г. «О порядке вступления в силу Конституции Республики Беларусь» законы, указанные в Конституции, необходимо было принять на протяжении двух лет после ее вступления в силу, это значит до 30 марта 1996 г.

Принимая такое решение, законодатель исходил из реальных сроков разработки как других, определенных в Конституции законов, так и закона об альтернативной службе. Однако ни Верховный Совет XII созыва, ни Верховный Совет XIII созыва не исполнили этого требования и не решили вопросы об основаниях и условиях замены воинской службы альтернативной и порядке ее прохождения путем принятия специального закона или путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующий закон «О всеобщей воинской обязанности и военной службе».

Конституционный Суд в своем решении отметил, что граждане Республики Беларусь в соответствии с Конституцией и законом «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» (ст. 1 и 14) имеют право, в частности, по религиозным убеждениям на замену воинской службы альтернативной, которое должно быть обеспечено действенным механизмом его реализации. В связи с этим считать незамедлительным принятие закона об альтернативной службе или внесение необходимых изменений и дополнений в закон «О всеобщей воинской обязанности и военной службе» с целью определения механизма реализации права на альтернативную службу.

На период до решения на законодательном уровне вопросов об основаниях и условиях замены воинской службы альтернативной и порядке ее прохождения согласиться, с учетом исключительности обстоятельств, с практикой создания компетентными государственными органами в соответствии со ст. 31, 57 и 59 и другими статьями Конституции условий для выполнения гражданами Республики Беларусь возложенной на них обязанности по защите Республики Беларусь в тех формах, которые не нарушают их религиозных убеждений.

При решении компетентными государственными органами вопросов об ответственности за уклонение от прохождения воинской службы необходимо определять, в какой мере те или иные действия гражданина связаны с реализацией им своего конституционного права на замену по религиозным убеждениям воинской службы альтернатив-

ной либо с отказом от прохождения воинской службы в таких условиях, которые не обеспечивают уважение его религиозных убеждений. В каждом конкретном случае этими органами должны быть приняты все меры по всестороннему и надлежащему изучению всех обстоятельств дела как в целях обеспечения прав и свобод граждан, которые желают исполнить свою обязанность по защите Республики Беларусь в иных разрешенных формах, так и в целях исключения злоупотреблений со стороны некоторых лиц, которые таким образом имеют намерение уклониться от воинской службы.

Конституционный Суд формулирует общие принципы права, которые органы государства должны учитывать, принимая свои решения, т. е. его акты оказывают существенное влияние на эволюцию правовой системы. Более того, заключения Конституционного Суда – это источник права. Конституционный Суд выступает в роли «негативного» законодателя, когда в связи с признанием неконституционным нормативного акта (отдельных положений) «выводит» его из правовой системы.

Безусловно, очень важна реакция государственных органов на решения Конституционного Суда. (Я здесь не касаюсь чисто формального аспекта, для которого достаточно утверждения: решения Конституционного Суда необходимо исполнять.) Иногда возникает в отдельных структурах стремление проанализировать решение Конституционного Суда и высказать свою точку зрения. Однако эта позиция не имеет юридически обязательного значения.

Рассмотрение дел в Конституционном Суде, обращения к нам граждан свидетельствуют о том, что актуальной остается проблема судебной защиты. Право на правосудие – неотъемлемое право каждого человека. В то же время оно не должно сводиться лишь к праву на обращение в суд. Сам суд должен быть беспристрастным, компетентным и независимым. Гражданин должен иметь реальную возможность на пользование услугами адвоката, а размер государственной пошлины должен быть приемлемым и не являться препятствием для обращения в суд. Это право не исключает предварительного порядка рассмотрения споров (например, в КТС), альтернативного порядка (например, обращение в вышестоящий или иной орган не должно лишать лицо права на обращение в суд). Полагаю, что гражданин имеет право на обращение в суд и в том случае, если он по каким-то причинам в установленный срок не воспользовался предварительным порядком разрешения спора. В этой связи для разрешения трудовых споров должны быть установлены более сбалансированные и учитывающие

данный вывод сроки: не три месяца для обращения в КТС и суд (см. ст. 242 ТК), а например, десять дней для обращения в КТС и три месяца – в суд.

Принципиально важным является решение Конституционного Суда о том, что жалобы относительно оснований прекращения производства по уголовному делу могут быть поданы начиная с дел, производство по которым прекращено с 30 марта 1994 г. Весьма показательна позиция Прокуратуры Республики Беларусь в этом вопросе: она полностью базируется на Конституции, хотя можно было бы предположить, что ее руководство выскажется против судебной проверки оснований прекращения производства по уголовным делам. Удручает другое: суды вопреки требованиям ст. 60, 112, 137 и др. Конституции отказывали гражданам в приеме жалоб.

У нас, в отличие от Российской Федерации, практически нет запросов общих судов (в этом плане хозяйственные суды отличаются в лучшую сторону) о конституционности нормативных актов, применяемых в деле, как того требует ст. 112 Конституции, в которой идет речь об обязанности судов при выявлении расхождений между нормативными актами и Конституцией использовать полномочия Конституционного Суда с целью приведения выявленных в процессе судебного разбирательства актов в соответствие с Конституцией. Кстати, аналогичный подход должен быть внедрен и при расхождении между нормативными актами и международными договорами, обязательными для Республики Беларусь. Они, на наш взгляд, идут вслед за Конституцией и в то же время обладают большей юридической силой, чем все иные подконституционные акты.

К чему ведет неисполнение требований ст. 112 Конституции, мы прекрасно видим на примере дел о приватизации комнат в коммунальных квартирах, об отбуксировке транспортных средств, когда противоречащие Конституции нормы применялись годами, а надлежащей судебной защиты граждане не получали, о праве на альтернативную службу, когда несколько человек уже было осуждено и никто не усомнился, а правильно ли это. Только Белорусский Хельсинкский комитет начал ставить вопросы по данному поводу. Ведь уже после первого осуждения следовало бы обратиться к этой проблеме.

Рассматривая одно из дел, инициированных Президентом, мы признали недопустимым совмещения судом функции обвинения и правосудия. Длительный период у нас складывалась ситуация, когда содержание под стражей лица в период его ознакомления с материалами уголовного дела по истечении полугодового срока, ника-

кими юридически значимыми документами не оформлялось. Благодаря решению Конституционного Суда, принципиальной позиции Прокуратуры Республики Беларусь, которая на стадии до рассмотрения дела в Конституционном Суде и после вынесения решения однозначно высказывалась в пользу справедливого правового разрешения данной проблемы, в законодательстве было закреплено, что нахождение обвиняемого под стражей в период ознакомления с материалами уголовного дела возможно только на основании решения суда; при этом установлен предельный срок содержания под стражей. В одном из своих решений Конституционный Суд однозначно указал на необходимость обеспечения обвиняемому, подозреваемому права на получение в любой момент юридической помощи.

Интересен для практики и с точки зрения последствий подход Конституционного Суда к приданию нормативным актам обратной силы.

В части шестой ст. 104 Конституции закреплено, что закон не имеет обратной силы, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан. Проблема эта весьма непростая, мы не будем касаться всех ее аспектов. Отметим только, что ст. 104 Конституции посвящена законам, однако по существу речь идет об универсальном правовом принципе – о недопустимости придания нормативным актам обратной силы, если только ими не смягчается или отменяется ответственность. При этом следует иметь в виду, что действие этого принципа распространяется на все новые нормативные акты.

Конституционный Суд, исходя из правила обратной силы закона, смягчающего или отменяющего ответственность, установил в своем решении от 9 июля 1997 г., что более мягкая норма уголовного закона распространяется и на лиц, отбывающих наказание за совершенные преступления. В частности, был принят закон, смягчающий ответственность за хищение в особо крупных размерах, по решению Конституционного Суда его действие было распространено и на лиц, осужденных до введения в действие этого закона.

В ходе реализации этого Заключения Конституционного Суда судами было пересмотрено более 9 тысяч уголовных дел, освобождены от дальнейшего отбывания наказания 3325 человек, в том числе из мест лишения свободы 534 осужденных. 1363 осужденным срок наказания был изменен в сторону уменьшения, 540 осужденных к лишению свободы переведены в исправительно-трудовые колонии с более легким видом режима. Было много критики по поводу данного решения Конституционного Суда, их суть – начнется всплеск преступно-

сти. Что показала жизнь? Рецидив среди этих лиц, как показывает двухлетний опыт, составил всего 4 %, в то время как после амнистии значительно больше освобожденных лиц вскоре возвращается в места лишения свободы. Эффективность конституционного правосудия налицо.

Недопустимость придания обратной силы закону, который усиливает ответственность, была выражена Конституционным Судом и в других решениях, особенно касающихся налоговых, финансовых и иных экономических отношений. В одном из дел мы весьма тщательно анализировали вопрос о сроке введения в действие акта толкования, который был принят через пять лет после принятия толкуемого акта. Здесь следует иметь в виду следующее. Акт толкования – самостоятельным нормативным актом не является. Его сфера и время действия неотделимы от толкуемой нормы. Основное требование состоит в том, чтобы акт толкования точно отражал суть толкуемого акта, был ему адекватен. Можно, конечно высказать пожелание, чтобы акты толкования принимались более оперативно, а не по прошествии нескольких лет. Однако и здесь возможен контраргумент, акт толкования появляется тогда, когда возникает спор.

Для практики важное значение имеет решение вопроса о судьбе уже вынесенных судебных решений, основанных на ином понимании толкуемого акта, чем оно было дано в акте о толковании. По существу речь идет о соотношении аутентического нормативного толкования акта (т. е. дачи толкования самим же органом, издавшим толкуемый акт) и казуального толкования, даваемого судами (общими, хозяйственными). Подход к определению их соотношения должен быть следующий: аутентическое нормативное толкование обладает верховенством. Этот вывод не противоречит ранее высказанному мной мнению о том, что судебные прецеденты как источники права должны быть признаны в нашей республике и получить свое развитие. Однако они не могут доминировать по отношению к решению законодателя.

В юридической литературе высказывалось мнение, что судебные постановления не должны подлежать пересмотру в связи с принятием акта толкования и высказанной в нем позиции, отличающейся от сложившейся практики. Однако с этим нельзя согласиться. Если акт нормативного толкования адекватен толкуемому акту, то он действует во времени, пространстве, по кругу лиц, что и толкуемый акт. В то же время мы не исключаем право (но не обязанность) органа государственной власти принять решение о нераспространении правил, содержащихся в акте толкования, на ранее вынесенные судебные постанов-

ления с тем, чтобы не ухудшить правовое положение, например, граждан или субъектов хозяйствования. Такой вывод обуславливается и следующими соображениями. Акт толкования может быть предметом рассмотрения в Конституционном Суде. В случае признания его соответствующим Конституции или закону действительно можно допустить, что судебные постановления можно не пересматривать исходя из более полной защиты интересов граждан, юридических лиц. Однако, если акт толкования признан Конституционным Судом не соответствующим Конституции, то судебные постановления подлежат приведению в соответствие с решением Конституционного Суда.

Конституционный Суд Республики Беларусь в своих решениях стоит на страже интересов граждан, провозглашая взаимную ответственность граждан и государства. Так, в результате ряда решений Конституционного Суда государство обязано вернуть своим гражданам незаконно собранные налоги. Тем самым Конституционный Суд провозглашает не только ответственность субъектов налогообложения перед государством, но и государства перед гражданами, с которых взимаются налоги. Конституционный Суд стремится внести свою лепту в установление ясности «правил игры» на экономическом и финансовом поле, и сохранении тождественности этих правил для всех ее участников.

Так, Заключением от 16 марта 2000 г. Конституционный Суд признал не имеющим юридической силы с момента его принятия нормативный акт Государственного налогового комитета, касающийся налога на добавленную стоимость. В целях реализации этого заключения ГНК уже разработана схема возврата излишне уплаченных сумм налогоплательщикам.

Несколько слов о решениях Конституционного Суда, касающихся такого права, как свобода передвижения и выбора места жительства, закрепленного в ст. 30 Конституции. Для Республики Беларусь, как и для многих республик бывшего СССР, был характерен институт прописки, во многом ограничивающий свободу передвижения и выбора места жительства. Отметим, что в нашем конституционном законодательстве в этой части был предусмотрен так называемый «переходный период» по крайней мере до 30 марта 2001 г. (в течение двух лет следовало принять соответствующий закон и ввести его в действие не позднее пяти лет со дня принятия). К сожалению, такой закон не принят и никто из уполномоченных субъектов не внес предложения о проверке конституционности в целом прописки.

Однако отдельные решения Конституционного Суда направлены на преодоление ограничений свободы выбора места жительства.

Так, в решении от 25 марта 1997 г. Конституционный Суд установил, что граждане Республики Беларусь, в том числе и постоянно проживающие за ее пределами, вправе приобретать дома по договору купли-продажи в любых населенных пунктах Республики Беларусь независимо от постоянного места жительства.

Решением от 1 июня 1999 г. – нормы, устанавливающие административную ответственность должностных лиц предприятий, учреждений, организаций за прием на работу граждан, проживающих без прописки, признаны не имеющими юридической силы как не соответствующие Конституции Республики Беларусь и международно-правовым актам.

Разрешая каждое дело, Конституционный Суд обращается не только к анализу собственной Конституции, но и к международным правовым документам – международным пактам о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах, Всеобщей декларации прав человека, к различного рода материалам ООН. В силу того, что Беларусь, как это зафиксировано в Конституции (ст. 8), признает приоритет общепризнанных принципов международного права, то они для нас обязательны, Конституционный Суд их анализирует и ссылается на них. Наряду с этим Конституционный Суд часто обращается и к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которой руководствуется в своей деятельности и Европейский Суд. По сути она является международным стандартом в области обеспечения и соблюдения прав и свобод человека, выполнения обязанностей гражданами. Те решения, которые принимает Европейский Суд, – это по существу толкование данной Конвенции, разъяснение ее положений и смысла. Можно утверждать, что вердикт Европейского Суда является ориентиром для тех стран, которые не являются членами Совета Европы.

Все решения, которые Конституционный Суд принимал за последние четыре года, основывались не на политических пристрастиях судей, а исключительно на нормах Конституции, международного права, на судебных прецедентах, в том числе создаваемых Европейским Судом, а также решениях ранее действовавшей Европейской комиссии по правам человека. Это влияло на позицию Конституционного Суда по многим вопросам, например, на определение объема права граждан на судебную защиту. Так, еще три года назад оно было во многом ограничено, обставлено различного рода рогатками. Суды не-

редко отказывались принимать обращения граждан, если спор был рассмотрен в вышестоящей инстанции. Да и пробелов в законодательстве было немало. Например, ст. 209 Уголовно-процессуального кодекса предусматривала возможность прекращения производства по уголовному делу органами предварительного следствия, и обжаловать это решение можно было только прокурору (гражданин не всегда мог быть согласен с основаниями прекращения производства по делу). Отсутствие права на защиту в суде противоречило Конституции. К большому сожалению, отечественная судебная практика не всегда была адекватна конституционной норме. Конституционный Суд в ряде своих решений отметил следующее: право на судебную защиту является неотъемлемым и не может быть ограничено. Гражданин имеет право на судебную защиту и в том случае, если предусмотрен альтернативный порядок разрешения спора, когда человек обратился в вышестоящий орган. Это ни в коем случае не должно исключать судебной защиты.

Конституционный Суд внимательно изучает подходы, закрепленные в решениях международных структур, в том числе и в актах Европейского Суда, относительно сроков содержания под стражей лиц во время предварительного следствия. Это беда многих государств, когда люди длительное время находятся в местах предварительного заключения, истекают все мыслимые и немыслимые сроки, и только затем дело доходит до приговора и уже осужденные направляются в исправительно-трудовые учреждения. Конституционный Суд вынес заключение, согласно которому основания содержания под стражей могут также подлежать судебной проверке. Показательно, что с самого начала Конституционный Суд получил в этом вопросе полную поддержку Прокуратуры Республики Беларусь.

Именно с учетом международных стандартов было, как уже отмечалось, принято решение, затрагивающее право призывников на гражданскую службу, т. е. по существу протолкована норма Конституции так, как это обусловлено демократическими требованиями.

Анализ деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь, органов конституционного контроля других стран свидетельствует о том, что государственно-правовая система развивается успешно и динамично, если Конституционному Суду удастся занять подобающее место среди других властных структур, действовать строго в рамках предоставленных полномочий, когда единственным приоритетом в его работе является демократическая Конституция, право, в основе которого лежит принцип справедливости.

